

St John's Church News No 94: September 2017

For this newsletter in electronic form: www.facebook.com/stjohnsorthodoxcolchester

ЦЕРКОВЬ СВТ. ИОАННА ШАНХАЙСКОГО **ST JOHN'S RUSSIAN ORTHODOX CHURCH**

Military Road, Colchester, Essex CO1 2AN

His Holiness Kyrill, Patriarch of Moscow and All the Russias
Most Rev. Metropolitan Hilarion, First Hierarch of the Church Outside Russia
Bishop Irenei of Sacramento, Administrator of the Diocese of the British Isles and Ireland

A Parish of the East of England Orthodox Church Trust, comprising Colchester, Norwich and Bury St Edmunds (Charity No: 1081707)

Настоятель / Rector: прот. Андрей Филлипс / Archpriest Andrew Phillips M.A. (Oxon)
T: 01394 273820 / **E:** frandrew_anglorus@yahoo.co.uk / **W:** www.orthodoxengland.org.uk
Приписаны / Other Clergy: Priest Ioan Iana (Romanian), Priest Spasimir Ivanov (Bulgarian)

Воскресная Школа / Sunday School: Mary Kisliakova: mary0170@yahoo.com

Русская Школа / Russian School: Sophia Bown: safi@mail.ru

Сторож / Caretaker: Paul Hopkins, 69 Military Road

Facebook: www.facebook.com/stjohnsorthodoxcolchester

Youtube: <http://www.youtube.com/watch?v=rE2T2sYTy8s>

Расписание Богослужений / Timetable of Services

Saturday 2 September

No services in Colchester – services in London

Богослужений нет в Колчестере – Богослужения в Лондоне

Sunday 3 September

10.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия. Service for those going back to school or studies / Краткий молебен для учащихся

Saturday 9 September

No services in Colchester – services in Norwich
Богослужений нет в Колчестере – Богослужения в Нориче

Sunday 10 September

10.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия

Saturday 16 September

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение

Sunday 17 September

10.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия

Wednesday 20 September

5.30 pm: Vigil for the Nativity of the Most Holy Mother of God / Всенощное бдение праздника Рождества Пресвятой Богородицы

Thursday 21 September: Nativity of the Most Holy Mother of God / Рождество Пресвятой Богородицы

10.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия.

Saturday 23 September

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение

Sunday 24 September

10.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия

Tuesday 26 September

5.30 pm: Vigil for the Exaltation of the Life-Giving Cross / Всенощное бдение праздника Воздвижения Животворящего Креста Господня

Wednesday 27 September: Exaltation of the Life-Giving Cross / Воздвижение Животворящего Креста Господня

10.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия

Saturday 30 September

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение

Baptisms in July and August

15 July: Vera Usakova

15 July: Ilya Mihailov

15 July: Peter Haidar-Keeble

12 August: Victoria Tartaru

12 August: Eva Muresan

16 August: Stefan Neagu

19 August: Emilia Teterea

19 August: Patrick Stanciu

25 August: Eva Ponea

26 August: Teodora Boyanova Trifonova

29 August: Maxim Jerome

Wedding in July

16 July: Gheorghe Zaharia and Michaela Zaharia

Church News

Jean Hopkins

It is with great sadness that we announce that Jean, wife for over 50 years of our gardener Paul Hopkins, passed away from cancer on 10 July. Eternal Memory! Please remember her in your prayers.

David/Monk Symeon

It is with joy that we have learned that our former parishioner and altar-server David Perkins has recently been tonsured a rasophor monk and also reader in our Holy Cross Monastery in the USA. Abbot Seraphim gave him the new name of Symeon in honour of St Symeon the New Theologian. To Monk Symeon Many Years!

Vladyka Irenei

We had the enormous pleasure of yet another visit from our new Bishop Irenei on 26 and 27 August. He served at the Vigil service and then served the Liturgy, tonsuring our Romanian singer Daniel Zabacinschi reader. He came together with Protodeacon Dionysiy and Fr Antony and afterwards was able to talk with parishioners. He is hoping to return to us in November. This will be our fifth episcopal visit in ten months, after only two in the previous 19 years!!!

Service in August

For the first time our Church was not closed for a single weekend in July and August and need never close again. Our thanks to Fr Spasimir, Fr Ioan and Hieromonk Patrick for their services.

СЛОВО ПАТРИАРХА

Неделя 13-я по Пятидесятнице

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

Подвиг

Подвиг вообще — это поступок не во имя себя, а во имя чего-то иного — во имя идеи, во имя Родины, во имя ближних своих. Подвиг — это всякое деяние, которое сопровождается рисками для того, кто его совершает, вплоть до положения жизни своей. Тем не менее люди совершают подвиги, и если вдуматься в то, что собой представляет подвижничество, нельзя не задаться вопросом: а есть ли место для подвига в материалистической концепции человеческой личности, никак не учитывающей высшее начало или Божественное присутствие? Ответ однозначен: нет! Ведь материалистический подход предполагает, что главной задачей человека является сохранение собственной жизни. Именно так обстоит дело в животном мире, где главная задача — выжить самому. Правда, и в животном мире встречаются удивительные примеры самоотдачи — чаще всего это действия самки, защищающей своих детей. Но когда период материнства проходит, самка может и сама растерзать собственного детеныша. Не потому, что звери жестокие, а потому что таковы условия выживания: хочешь выжить — употребляй для этого все силы.

Именно так следовало бы развиваться и роду человеческому, если бы происхождение человека имело не Божественное, а животное начало. Откуда же еще у человека совершенно иная система ценностей? Откуда способность не просто ограничить себя, но и жизнь свою отдать во имя другого, будь то человек или великая идея? Сам феномен подвига есть свидетельство о Божественном происхождении человека и о присутствии Бога в человеческой жизни.

Подвиг — это всегда средство

Если иннок совершает подвиг ради подвига, если его подвижничество не ведет к реальным переменам в духовной жизни, то это не подвиг, а искушение. Подвиг — это всегда средство, и святые преподобные отцы прибыли сюда не ради испытания самих себя, не ради победы над тяжелыми внешними условиями, но для того чтобы погрузиться в атмосферу, наиболее благоприятную для приближения к Богу, потому что отказ от своего «я» — это и есть путь к Богу.

Экстрим не является подвигом

Современные люди порой совершают поразительные дела. Существуют экстремальные виды спорта, где очень высока опасность погибнуть или покалечиться. Занимаясь такими видами спорта, человек невероятно себя ограничивает, идет на колоссальные риски, но все это — только ради самого себя. Он либо самоутверждается в собственных глазах, либо мечтает о славе, о золотых медалях, о денежном вознаграждении. Экстрим не является подвигом. А вот те, кто умирал за Родину, не были экстремалами, — они и слова такого не знали. Они шли и умирали не за себя, а за Родину. И когда христианские мученики — не только в первые века, но и в новейшее время, как те, кто томился в Соловецком лагере, — умирали за веру, это не был экстрим, это был подвиг. Не ради себя — ради Христа они умирали.

Нет подвига — нет приобщения к Божественному свету

У святого Симеона Нового Богослова мы находим следующие слова: как свеча приобщается к свету, так и человек через подвиг приобщается к Божественному свету. Нет подвига — нет приобщения к Божественному свету. Всему этому учат нас святые преподобные отцы Зосима, Савватий и Герман. Всякий раз, посещая Соловки, я вижу, что братия здесь живет не в легких условиях, не в бархате и шелке ходит. Здесь трудные условия жизни. Но именно благодаря этим условиям, добровольно выбранным вами, дорогие мои братья, в ваших сердцах может возгореться Божественный свет. Никогда не ропщите, никогда не уклоняйтесь от трудностей, потому что уклонение от трудностей, поиск легких послушаний входит в противоречие с самим фактом вашего появления на Соловках.

Но то же самое я могу сказать каждому монашествующему в любом монастыре. Без подвига для монаха нет спасения. Именно поэтому люди и устремляются в монастыри к монашествующим духовникам, желая почерпнуть часть их мудрости, их опыта. А какая же мудрость, если сам опыта не имеешь? Поэтому величайшая ответственность лежит на монастырской братии, чтобы через подвиг приблизиться к Господу и тем самым исполнить свое призвание, ведь и Господь Иисус Христос через подвиг вышел на общественное служение. Сорок дней и ночей Он провел в пустыне без пищи и воды,

и не потому что имел Божественную природу, — ведь Его человеческая природа хотела и есть, и пить, — а потому что Он понимал необходимость пройти через это испытание, чтобы выйти на общественное служение как Сын Божий и Сын Человеческий.

Из [слова](#) в день памяти перенесения мощей прпп. Зосимы и Савватия Соловецких в Свято-Троицком соборе Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря, 21 августа 2017 года

Духовная слепота

А что такое духовная слепота? Это неспособность людей прозревать суть того, что происходит вокруг них. Это неспособность видеть добро и зло, отличать правду от лжи. Духовно слепой человек — как судно в океане без всякой навигации. Если у капитана нет понятия о том, где находится судно, куда нужно идти, где рифы, а где тихая вода, где мель, а где достаточная глубина, то такое судно наверняка разобьется. Так и в жизни нашей — если у человека нет духовного зрения, он очень рискует. Он может избрать неправильный образ жизни, неправильный жизненный путь. Он может соединить свою судьбу с человеком, в котором не увидел, не отличил зло от добра или добро от зла. И ведь как часто это случается! Как много человеческих трагедий происходит только потому, что молодой человек и девушка, полюбив друг друга и пожелав соединить свои судьбы, не сумели распознать подлинное внутреннее состояние друг друга! За внешней приветливостью, ласковым обхождением может скрываться человек очень опасный, и мы знаем, что много браков распадается именно поэтому. Нередко приходится слышать: «Как же я не смог или не смогла разобраться! Почему же это произошло?» Да потому, что не было духовного зрения.

Но ведь так происходит не только в нашей личной жизни — так происходит в жизни общества, государства. В этом году мы вспоминаем 100-летие кровавой революции. Ведь тогда тоже не

смогли разобраться, тогда тоже у очень многих не было духовного зрения. Люди называли себя верующими, но не могли красивые слова отличить от подлинной сути того, что предлагалось, а предлагалось насилие — через смерть, через страдания поменять жизнь в стране под предлогом, что жить станет лучше...

Да что говорить о прошлом! А разве в настоящем мы не делаем ошибок? Разве в настоящем нас не увлекают красивые слова, разного рода обещания? Это бывает и в политике, и в информационном пространстве, когда люди увлекаются некими ложными идеалами. Они создают себе кумиров, они готовы слушаться их и поступать так, как кумиры их учат. А в результате — человеческие трагедии, конфликты, разочарование; я уж не говорю о таких страшных последствиях, как полная жизненная катастрофа, когда у людей уже не хватает сил жить и, не имея веры в сердце, они на себя накладывают руки.

Отсутствие духовного зрения — это катастрофа

Отсутствие духовного зрения — это катастрофа, это опасность огромного масштаба для личности, для общества, для народа. Кто же нам может дать это зрение? Никто, кроме Бога. Очень часто, приходя к старцу, человеку святой жизни, на исповедь, не понимаешь, каким чутьем он все это чувствует, каким образом он понимает твою внутреннюю жизнь. Вроде ничего особенного ты ему не сказал, а человек, только взглянув на тебя, видит, понимает и чувствует. Это нельзя назвать просто интуицией, потому что видение такого человека строго привязано к его образу жизни, к его вере, к его близости к Богу. Когда мы с вами возрастаем в вере, когда у нас появляется навык молитвы, когда мы умеем с Богом разговаривать, когда мы Емуверяем свои сокровенные мысли и чувства, когда мы раскаиваемся перед Ним, как не можем раскаяться даже перед духовником, когда мы не чувствуем средостение между собой и Богом, — тогда Господь открывает нам это внутреннее духовное зрение, каждому в меру его веры и его близости к Богу.

Трудно достичь тех духовных прозрений, которыми обладают святые люди. Но даже простой человек, никак не претендующий на святость, через свой личный духовный опыт способен приблизиться к Богу так, чтобы открылись его внутренние духовные очи. Чтобы он вдруг многое увидел с иной точки зрения, чтобы у него выработалось устойчивое критическое отношение к той информации, которая в

огромном объеме обрушивается сегодня на человека, к тем словам, которые иногда увлекают, но ведут не к свету, не к правде, не к счастливой жизни, а к духовной гибели. Духовное зрение — это верный навигатор к тому, чтобы жить полной жизнью, не впадая в крайности и не ставя свою жизнь под угрозу.

*Из слова в день отдания праздника Преображения Господня в
Александро-Невском кафедральном соборе г. Кургана, 26 августа
2017 года.*

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

29 августа 2017 г.

«ПОСТУПАЙТЕ ПО СОВЕСТИ»

Быль 1947 года

Протоиерей Владимир Василик

Протоиерей Михаил Гундяев. Последняя Пасха, 1974 г.

Подходил к концу второй послевоенный 1947 год. Война закончилась, но военная промышленность продолжала работать с прежним напряжением. Будущее после фултоновской речи Черчилля с угрозами в адрес СССР сулило нашей стране мало хорошего. Начиналась холодная война, которая в любой момент могла перерасти в войну горячую. Как говорится, «хочешь мира – готовься к войне», поэтому на Балтийском заводе спешно строились новые военные корабли и ремонтировались старые.

Разоренная страна не в силах была своевременно поставлять военной промышленности нужные ресурсы. Поставщики не успевали отправлять на завод необходимые детали и материалы, поэтому план трещал по всем швам. Моя бабушка Тамара Васильевна Баканова работала инженером-экономистом котельного цеха Балтийского завода. Она прекрасно понимала, что план выполнить не удастся и главное сейчас – грамотно сформулировать причины его невыполнения.

И вдруг в начале декабря ее вызывает начальник цеха и говорит:

– Тамара Васильевна, как вам известно, наш цех перевыполняет план. Пожалуйста, проставьте соответствующие цифры. Понимаете?

Бабушка ахнула:

– Николай Иванович, разве вы не знаете, что не по нашей вине плана мы не выполняем? На что вы меня толкаете?! Это же подсудное дело.

А начальник ей в ответ:

– С вашей принципиальностью вы людей оставите без премии. Ну что ж, как знаете... Не хотите писать что надо – ищите другую работу.

От начальника бабушка вышла в полном смятении. Он ей предлагал самый настоящий подлог, за который в то суровое время можно было запросто отправиться в места охраняемые. Ее правдолюбивая душа противилась подобной лжи. С другой стороны, у начальника цеха было достаточно возможностей лишить ее работы. На заводе Тамара Васильевна трудилась с середины 1920-х годов, расставаться с ним было жаль. Где искать подобную работу в разоренном войной Ленинграде? А на руках двое детей. Да и людей лишать денег не хотелось...

Бабушка была человеком горячо верующим. Веры своей не скрывала. На все двенадцатые праздники брала отпуск с работы. На следующий день, в четверг, она пошла в церковь на Смоленское кладбище, благо тогда, 4 декабря, был великий праздник – [Введение во храм Пресвятой Богородицы](#). Литургия шла долго и торжественно. Благолепно пел хор, раздавались величественные и молитвенные возгласы диакона и священника. После службы проповедь произнес отец Михаил Гундяев, тогда еще молодой священник. Обыкновенно проповеди читались по тетрадке – сообразно дореволюционному правилу, требовавшему предварительной подготовки пастырского слова. В новых условиях этот обычай оказывался весьма полезным. В случае чего можно было отчитаться перед уполномоченным: никакой крамолы на проповеди священник не говорил, устный текст полностью соответствует письменному.

Поначалу отец Михаил не выходил из предписанных рамок. Держа перед собой на аналое листок, вполне книжными словами он рассказал о празднике, о святых и праведных богоотцах Иоакиме и Анне, о двенадцати ступенях, на которые взошла Дева Мария. И вдруг отец Михаил преобразился. Он отодвинул листок и без всякой связи с предыдущими словами произнес следующее:

Вдруг отец Михаил преобразился и произнес: «Не бойтесь поступать по совести. Господь вас всегда защитит!»

- Всегда поступайте по совести. Совесть – глас Божий, та искра, которую Господь вложил в наше сердце. Бойтесь кривых и неправедных путей и не бойтесь поступать по совести. Господь вас всегда защитит, если вы будете следовать Его гласу.

Тамару Васильевну пронзила догадка: через отца Михаила Сам Господь ответил ей на все ее недоумения и сомнения. Подойдя ко кресту, она тихо спросила у отца Михаила:

- Батюшка, как вам Господь дал провидеть это?

Он сразу все понял и шепотом ответил:

- Сам не знаю, как Господь заставил меня сказать эти слова. Но не сказать их я не мог.

Идя на следующий день на завод, бабушка твердо решила стоять на правде до конца – вплоть до увольнения с работы. Но, придя, она с изумлением и радостью узнала, что из Москвы приехала проверочная комиссия. И тут уж начальству явно было не до туфты и дутых данных. Вскоре на комиссию вызвали и ее. С данными и фактами в руках Тамара Васильевна аргументированно доказала, что в невыполнении плана руководство и работники Балтийского завода не виноваты. Все обошлось благополучно. Конечно, о премии не было и речи, однако никого и не наказали. В дальнейшем начальник никогда не подходил к Тамаре Васильевне с подобными предложениями.

На всю оставшуюся жизнь (а прожила после этого бабушка добрых 36 лет) она запомнила вдохновенные слова отца Михаила: «Поступайте по совести. И Господь вас защитит».

Протоиакон Владимир Василик

25 августа 2017 г.

HOMILY ON THE DORMITION OF THE MOST HOLY MOTHER OF GOD

Archimdrite Kirill (Pavlov)

In the Name of the Father, the Son, and the Holy Spirit!

Dear brothers, and sisters! Today the whole Christian world triumphantly celebrates the day of the most radiant repose of the Mother of God. It would seem that this celebrated event would be sad and filled with tears, because we are encountering death; however the holy Church is today adorned in garments of triumph, rejoices and exalts, and calls us to do the same. Why should we rejoice on this day of the [Dormition of the Mother of God](#)? Because the word “dormition” alone shows that the death of the Mother of God was unusual. It was sleep, which was soon followed by joyful wakening.

For several days before the Dormition of the Most Pure Virgin, the [Archangel Gabriel](#) appeared to her with tidings of her nearing departure from this life. Filled with deep faith in the future blessed life, she accepted these tidings not with fear and sadness but with a feeling of vibrant joy and great gratitude to God. At the same time, the almighty power of God gathered the apostles from all over the world to Jerusalem, so that they might render honor to the Mother of God and bury her. In the very same hour of her repose an extraordinary light illuminated the house of the Most Holy Virgin, and through the opening to the heavens all present beheld the Lord of Glory Himself with the angels and saints, descending to meet His mother. The [apostle Thomas](#), by God’s special dispensation, appeared after the Most Pure One’s burial. He desired to venerate her and therefore opened her tomb, but the body of the Mother of God was not to be found...

In such a wondrous manner did the Most Blessed Virgin Mary repose, to the consolation of all Christians, especially triumphantly manifesting the power and grandeur of our Lord Jesus Christ, Who by His death and Resurrection destroyed the sting of death, and from something terrible and painful made it, for His faithful followers, something joyful and blessed.

Before the coming of Christ on earth, death was very frightening for man, because it snatched him away like a ferocious animal does its prey—irretrievably—and there were no means to escape it, for sin reigned over people. But after the Lord’s appearance in the flesh and His victory over sin and death, the horror of death disappeared; it became as if a peaceful sleep, after which dawns the joyous morning of the general Resurrection. To the measure that each of us conquers the sin that still lives in us, the fear of death disappears, so that triumphant conquerors of sin meet it with joy, and no longer die but verily fall peacefully asleep. We see the clearest example of this triumph over death in the Dormition of the Most Pure Virgin Mary. She reclined in her grave only for a brief rest. Following after the Mother of God we see the apostles, martyrs, and all the saints, meeting death with joy like their greatest friend, who trades the fleeting good things of this world with its sorrows and sadness for eternal blessedness.

The Holy Church strives to instill also in us this same fearlessness of death, exhorting us to drive away fear by the gradual uprooting in ourselves of sins; and the Church calls our dead loved ones “reposed”, that is, as if fallen asleep, because the Christian is so assured of deathless life in the future that he truly looks at death as no more than sleep.

Amen.

Archimdrate Kirill (Pavlov)
Translation by Nun Cornelia (Rees)

Votserkovlenie.ru

8/27/2017

PUKHTITSA DORMITION CONVENT: AN
UNINTERRUPTED TRADITION OF FEMALE
MONASTICISM

Ekaterina Orlova, Abbess Filareta (Kalacheva)

The Pukhtitsa Dormition Convent is one of the most beloved monasteries of the Russian Orthodox Church, bearing the special distinction of having never been closed during the godless Soviet years. The monastery's unbroken line of spiritual continuity has given rise to several notable spiritual figures, such as the previous abbess, the ever-memorable [Schema-Abbess Barbara \(Trofimova\)](#), who reposed on February 8, 2011. Matushka bore the obedience entrusted to her by the hierarchy for more than forty years. In the patriarchal words of condolence about matushka it says, "It is largely thanks to the labors of Schema-Abbess Barbara that Pukhtitsa Monastery became a true outpost of Orthodoxy in Estonia."

How does a monastery that was never closed in the Soviet years and that has raised up abbesses for many convents in various dioceses of the Russian Orthodox Church live today? Does it preserve the inheritance left by Mother Barbara? We spoke with the current Pukhtitsa mother superior, Abbess Philareta (Kalacheva) on these questions and on monastic life in general.

—Matushka Philareta, in what ways are the peculiarities of the residency of a Russian Orthodox monastery in Estonia manifested today?

—Pukhtitsa Monastery is often called the [Zion](#) of the Baltic region. It is a place sanctified by the appearance of the Mother of God and the finding of her wonderworking icon, especially blessed and dear to the heart of every Orthodox person. As a century ago, our monastery realizes a service to the Church and people in Estonia under the protection of the Most-Pure Mother of God. Pukhtitsa Monastery was created as an abode of love and mercy. Receiving guests and pilgrims, we feel the mutual sympathy, respect and love of the locals for the monastery. We want to continue to preserve this tradition of warm, peaceful relations in the future.

—By today’s standards, your monastery is fairly large—more than 100 nuns. There is developed farming—of the land, and livestock. Not long ago, you said in an interview that few young people come to the monastery now, and therefore, few working hands. What do you see as the course of action—to reduce the volume of work or, perhaps, attract more workers from outside? Is the former useful for the monastery, from your point of view?

—We absolutely cannot reduce the amount of work: We live on what we grow and receive from our natural resources and we also receive and provide all that is necessary for the many pilgrims flocking to Pukhtitsa year-round. In modern times, we have the possibility to more mechanize our manual labor, widely using farming machinery, and this enables us to significantly alleviate the sister’s obediences.

—In connection with the necessity of engaging hired labor, do you manage to avoid the loss or neglect of the sisters’ spiritual and prayer life?

—Of course, the monastery has permanent workers, doing the work that the sisters of the monastery cannot. This includes maintenance and plumbing, and work in carpentry and metal workshops. As a rule, they are believers, family people, and such a practice can in no way influence the prayer life of the sisters of the monastery, because these are different planes, existing separately from one another.

—Do many pilgrims come to the monastery today? What do the sisters try to tell guests about, besides the history of the monastery?

—Yes, quite a number of pilgrims come to the monastery today. The sisters lead tours for them, tell them about the history of the monastery, and pilgrims visit the museum. Whoever wants to stay for a longer time helps out with obediences, in the garden, on the farm, in cleaning up the grounds. The sisters serving the pilgrims in the guest houses can answer their questions and help those just beginning their Church lives. Pilgrims have the opportunity to turn to priests in confession with questions of a spiritual nature, and also to speak with the older nuns having more life

and spiritual experience; but pilgrims and guests of the monastery must remember that the life of monastics is intimate and should be filled with prayerful attention and bodily labor, therefore to distract the sisters and to persist in wanting to talk is a sinful desire.

—Does the monastery engage in social services?

—Of course! The tradition of Pukhtitsa Monastery as an abode of love and mercy always highly values self-sacrificing service to God in the person of those around us in need of help. And in the very hardest of times, pilgrims have always received room and board in the monastery guest houses, and this tradition of monastery charity is preserved in Pukhtitsa to this day. The monastery has always provided and continues to provide all possible assistance to the poor, a tradition of sharing the gathered harvests with orphanages and hospitals has developed, and on Nativity and Pascha we deliver books and gifts to children with disabilities.

—At the monastic conference in the fall of 2013 in the Trinity-St. Sergius Lavra, the question was often heard during the discussion about how inhabitants of the monasteries are overworked and little time and strength remain for the cell rule of prayer. How is the day organized for the sisters in your monastery?

—The foundation of the Pukhtitsa routine has always been a harmonious combination of prayer and labor. Today the day is arranged just as in the first years of the founding of the monastery. The righteous [St. John of Kronstadt](#) loved the Pukhtitsa sisters and said of them, “The Pukhtitsa sisters are taking large steps towards the Heavenly Kingdom.” And actually, the work then was almost unbearable—the first Pukhtitsa nuns had to combine building, the building up of the newly-created monastic habitation, laborious agricultural work on more than 250 acres of land, and the monastic rule. The full monastic liturgical cycle was introduced here in the first year and two monastic choirs were created. Besides that, the Pukhtitsa nuns labored in charitable institutions, cared for the sick in the monastery hospital, and taught orphans to read and handicrafts to children at the monastery’s orphanage. I’m saying all this for comparison.

As our reposed matushka Schema-Abbess Barbara (Trofimova) would often say, labor can be equated with prayer if it is performed with a feeling of especial gratitude to God, as if in His presence, and is perceived as

service to the Lord for the good of this holy abode. Such work, done for the glory of God, is called spiritual. The older sisters have said concerning prayer, “You cannot take a fish from a pond without labor,” that is, if you do not work in the sweat of your brow, then your prayer will be empty. Even in the biggest jobs, our sisters do not forget about prayer.

—Can physically weak sisters stay in the monastery?

—What kind of physical weakness are we talking about? About poor health? There are no such healthy monastics—it’s an illusion. Sickness is a necessary cross which monastics bear.

But in the monastery, every person, despite any infirmity, is important and necessary in his own place, as in a complex machine where even the smallest cog is necessary. And each person finds his necessary place of obedience in the monastery, provided that he has love for God and a firm resolve to live and labor in this holy habitation.

The history of Orthodox asceticism shows that physical strength and health are not necessary for salvation. The apostle Paul himself says, *[The] strength [of God] is made perfect in weakness* (2 Cor. 12:9).

—Matushka, your monastery was never closed in the Soviet years. Everyone who is interested in questions of the spiritual life and women’s monasteries has heard a great deal about the Pukhtitsa elders—Matushka Lyubov, Matushka Catherine, Matushka Sergiya. Have you managed to maintain the continuity of spirit and monastic traditions?

—Indeed, Pukhtitsa Monastery has a great advantage—it was never closed for even a day, and that’s very important, because the continuity of monastic traditions was preserved here. Many of the first Pukhtitsa sisters were spiritual children of righteous St. John of Kronstadt and passed on his legacy, preserving his living memory. In the postwar years, many of our sisters were cared for by the experienced God-bearing elder Hiero-Schemamonk Simeon (Zhelnin) of the Pskov Caves Monastery, now numbered among the saints, and were guided by his instructions. Moreover, about eight decades of the monastery’s history were

consecrated by the spiritual feats of our blessed elders the nuns Elena (Kushaneva) and the nun Catherine (Malkov-Panina), who bore the heavy asceticism of foolishness-for-Christ's-sake in the monastery.

There were spiritually-experienced nuns laboring in Pukhtitsa, and the younger generation had the opportunity not only to see their examples, but were blessed to serve them: living in one cell, to speak with spiritually-experienced sisters, to feel and to see their hardships and the grace of the monastic life with their own eyes. Therefore, continuity is a living tradition which is transmitted as the spiritual experience of the life of a wise generation to the young generation. It is always touching... After all, the life of the older nuns remains in our memory, because they themselves gave us a piece of their hearts and souls. So many experiences, prayers, and their involvement has been invested in the life of young novices. There are wonderful sisters—Matushka Schema-Abbess Barbara, Schemanun Photina, Schemanun Lyubov, Schemanun Iona, Nun Euphrosynia, and so on—who are unforgettable and whose spiritual feats are difficult to overestimate. In complex, unresolvable, difficult situations for the heart, one cannot help but think of how they would act in your place.

—Tell us, please, a little about the Pukhtitsa elders.

—The book *Abbess as a Holy Obedience*, the fruit of the labors of the sisters of the monastery, dedicated to the memory of Schema-Abbess Barbara (Trofimova), who led Pukhtitsa Monastery for more than forty years, was just published. The book was presented at the Second Pukhtitsa Readings in December 2013. Already-prepared and awaiting publication is a book about the Blessed Nun Ekaterina (Maklov-Panina), [1] widely known beyond the borders of Estonia. Readers will have the chance to learn more about the ascetical life of the remarkable Pukhtitsa ascetics of piety of the twentieth and twenty-first centuries.

—Do the sisters practice the Jesus Prayer?

—Upon monastic tonsure, the sisters receive a cell rule of prayer, and every nun is charged with prayer as a duty. Our cell rule includes the so-called 500.[2] As you know, monastics pray for the whole world, they pray for all people, and they are a mystery: Monks pray in secret.

I must note that our monastery is cenobitic, and laborious, and there are many people. Over the course of 120 years, the experience of total immersion in contemplative prayer has not been here. The prayer of the heart must be taken up with a blessing and under the direction of an experienced doer of the Jesus Prayer. The older sisters say that the Lord hears the humble. First, we must learn humility...

—Modern people often hear that the monastic spirit is dying out in our day. What do you think about it?

—People tend to observe, evaluate, and sometimes criticize monastics, but there is a saying: “People see how a monk cavorts, but they don’t see how he weeps.” Of course, it’s impossible to compare us with the ancient ascetics of Egypt, who could, for example, fast for many days, eating nothing, undertaking many hours of prayerful vigil—unfortunately, modern people no longer have the strength for such asceticism. But monasticism is always the same, just as man is one and the same.

I think every time has its own *podvig*, and modern monastics can also labor according to their strength and receive Divine grace like the ancient ascetics. Thus, in my view, it’s premature to talk about the extinction of the monastic spirit. It is revealed only to the Lord, and only the Lord can judge each man’s labors, asceticism, and cross-bearing. Monasticism is a mystery; it is intimate.

—Matushka, must a girl who wants to become a nun first receive a secular education? Is there a demand in Pukhtitsa for knowledge gained in the world?

—I don’t think these things are interconnected, and secular education is not a condition or prerequisite for entering a monastery; but knowledge gained by the sisters in the world, is, of course, used when necessary, and there are many such examples in our monastery.

—Tell us, please, a bit about how you became a nun. Who did you learn monasticism from; who was your example in the monastic life?

—My path to monasticism wasn't anything special or unusual. During my summer breaks from school, I would visit Pukhtitsa Monastery with the blessing of my spiritual father, working together with the sisters in the "hot" time of haymaking, and I saw the monastic life with my own eyes and was so imbued with the blessed atmosphere, the prayer life, the spiritual work of obediences, the feeling of a united monastic life, that by the end of the summer I didn't want to leave. When it came time to leave, I found no place for myself anywhere, and as soon as I graduated and received my diploma, I immediately came to the monastery for permanent residence, and any other kind of life was simply impossible for me. I attribute all of this to the work of grace—only Divine grace can wrest a man from his environment and lead him to monasticism.

—How would you advise a girl desiring monasticism to choose a monastery? What is necessary to consider, in your view (perhaps climate, obediences, the spirit of the monastery), and what must you know about yourself and about the monastery, having decided to leave the world?

—There is only one case in which someone can become a monastic: If there is a calling from God. It is expressed in a strong, irresistible desire for the monastic life. All that was dear and sweet for your heart in the world becomes unbearably oppressive. The sisters have said, "All is well; you have your mama, papa, brother, and sister at home; everyone loves you; but it is impossible for you to be there, just as you choke without air."

As for choosing a monastery, I think the heart will tell you, it won't deceive you, and you will feel that precisely here is your place. Then you should consult about it and receive a blessing from your spiritual father.

For those desiring to enter a monastery, it's important to know what they are searching for when they go to a monastery, and what they expect when they turn to Christ. Then, they either go to find the wholeness and fullness of the inner life, or for Christ to resolve this or that theoretical question for them which concerned them. It's very important. Will you go to Christ as to your Deliverer from spiritual sorrow, from weakness of will, which each of us bears within ourselves, that the Lord might give us strength to labor, or as to a philosopher for resolving our doubts? It's necessary to understand, because in this or that case you receive different results. One of the greats said that the realm of doubt is just as

endless as the realm of thoughts. Now it is one of the reasons to advise those desiring to enter a monastery again and again to test themselves and make sure that the path of your spiritual life is going not from theory to life, but from life to theory, not from doubts to Christ, but from Christ to the resolution of doubts, not from the mind to the heart, but from the heart to the mind.

The logic of those desiring it is strange: “I love the Lord and I want to go to a monastery, but I’m afraid and I have doubts!” This cannot be. If you love Christ, then you believe firmly, and if you believe, then you trust, and if it is so, then there can be no doubts!

*Ekaterina Orlova spoke with Abbess Filareta (Kalacheva)
Translated by Jesse Dominick*

Synodal Department for Monasteries and Monasticism

8/27/2017